

А. С. ПУШКИНЪ

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ

РИСУНКИ

АЛЕКСАНДРА БЕНУА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Настоящее издание набрано въ 1917 году и
отпечатано въ типографіи имени Ивана
Федорова (б. Голике и Вилборгъ) при
содѣйствіи Петроградскаго Отдѣленія Госу-
дарственнаго Издательства подъ наблюденіемъ
В. И. Анисимова

Экземпляръ № 530

Главлит № 4993. Напечатано в колич. 1000 экз.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ

А. С. ПУШКИНА

ИЛЛЮСТРАЦИИ

АЛЕКСАНДРА БЕНУА

РЕДАКЦИЯ ТЕКСТА И СТАТЬЯ

П. Е. ЩЕГОЛЕВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

КОМИТЕТЪ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ИЗДАНИЙ

ПРИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

1923

ПРЕДИСЛОВІЕ

Происшествіе, описанное въ сей повѣсти, основано на истинѣ. Подробности заимствованы изъ погдашнихъ журналовъ. Любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ В. И. Берхомъ.

ВСТУПЛЕНИЕ

На берегу пустынных волн
Стоял Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Приютъ убогова чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.

И думалъ Онъ:
Отсель грозить мы будемъ Швецу.
Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зло надменному сосѣду.
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно; ¹⁾
Ногою твердой ступить при морѣ.
Сюда по новымъ имъ волнамъ
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ
И запируемъ на просторѣ.

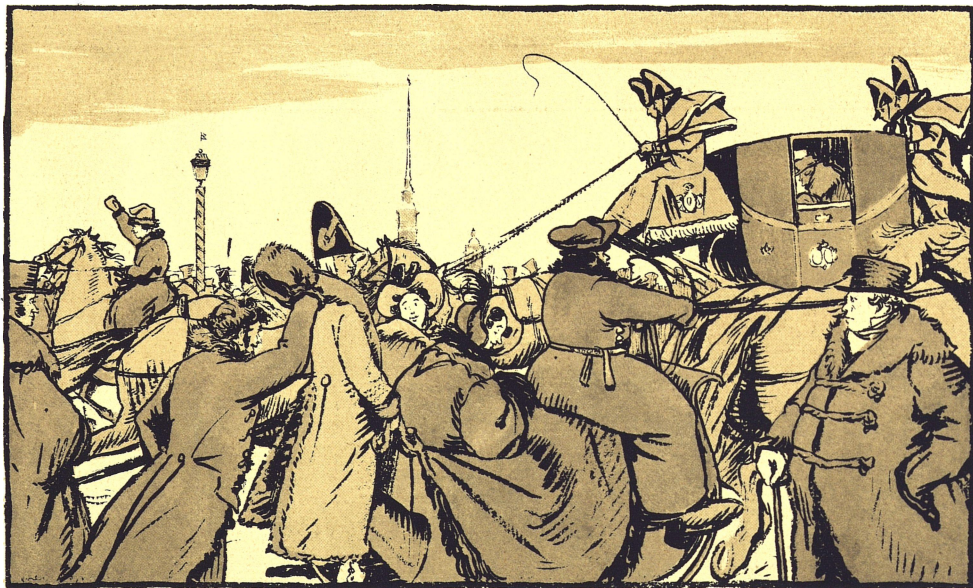

Прошло сто лѣтъ, и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тмы лѣсовъ, изъ топи благи
Вознесся пышно, горделиво;
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады спройныя вѣсятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатѣмъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова,
И передъ младшею Столицей
Померкла старая Москва,

Какъ передъ новою Царицей
Порфиноносная Вдова.

Люблю тебя, Петра творенье, ³⁾
Люблю твой строгий, стройный видъ,
Невы державное печенье,
Береговой ея границъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампы,
И ясны спящая громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣпла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тму nocturnam
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнитъ другую
Слѣшитъ, давъ ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,

Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичья лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой.

Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ марсовѣхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красоту,
Въ ихъ стройно зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сянѣ шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою.
Люблю, военная Столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда Полнощная Царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россия снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.

Красуйся, Градь Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія,
Да умирится же съ побой
И побѣжденная стихія;
Вражду и плѣнь старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!
Была ужасная пора...
Объ ней начну повѣствованье.
И будь оно, друзья, для васъ
Вечерний, страшный лишь рассказъ,
А не зловѣщее преданье...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

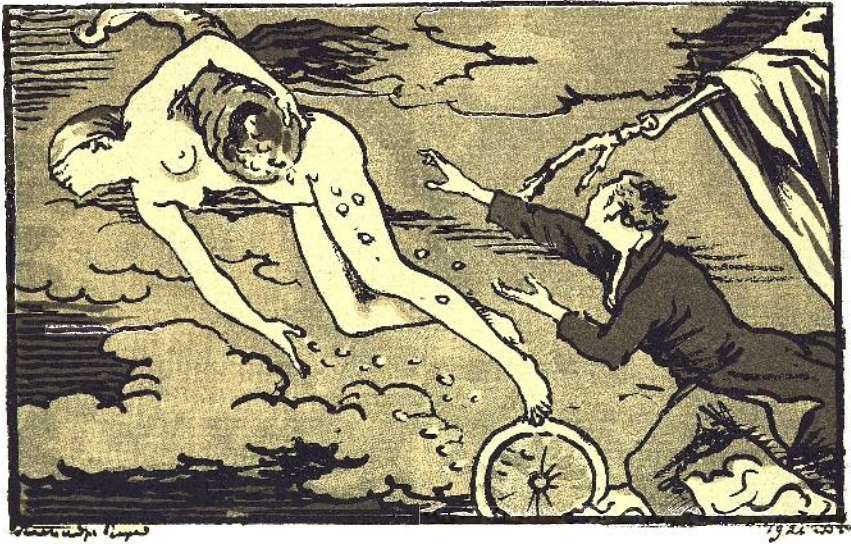

Надъ омраченнѣмъ Петроградомъ
Дышалъ ноябрь осеннимъ хладомъ.
Плеская шумною волной
Въ края своей ограды стройной,
Нева мяпалась, какъ больной
Въ своей постелѣ безпокойной.
Ужь было поздно и темно;
Сердито бился дождь въ окно,
И вѣтеръ дулъ, печально воя.
Въ то время изъ гостей домой
Пришелъ Евгенийъ молодой...
Мы будемъ нашего героя
Звать этимъ именемъ. Оно
Звучитъ пріятно; съ нимъ давно
Мое перо къ тому же дружно.
Прозванья намъ его не нужно,
Хотя въ минувши времена
Оно, быть можетъ, и блистало
И подъ перомъ Карамзина
Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало,
Но нынѣ Свѣтомъ и Молвой
Оно забыто. Нашъ герой

Живеть въ чуланѣ. Гдѣ-то служить,
Дичится знатныхъ и не тужить
Ни о почющей роднѣ,
Ни о забытой старинѣ.

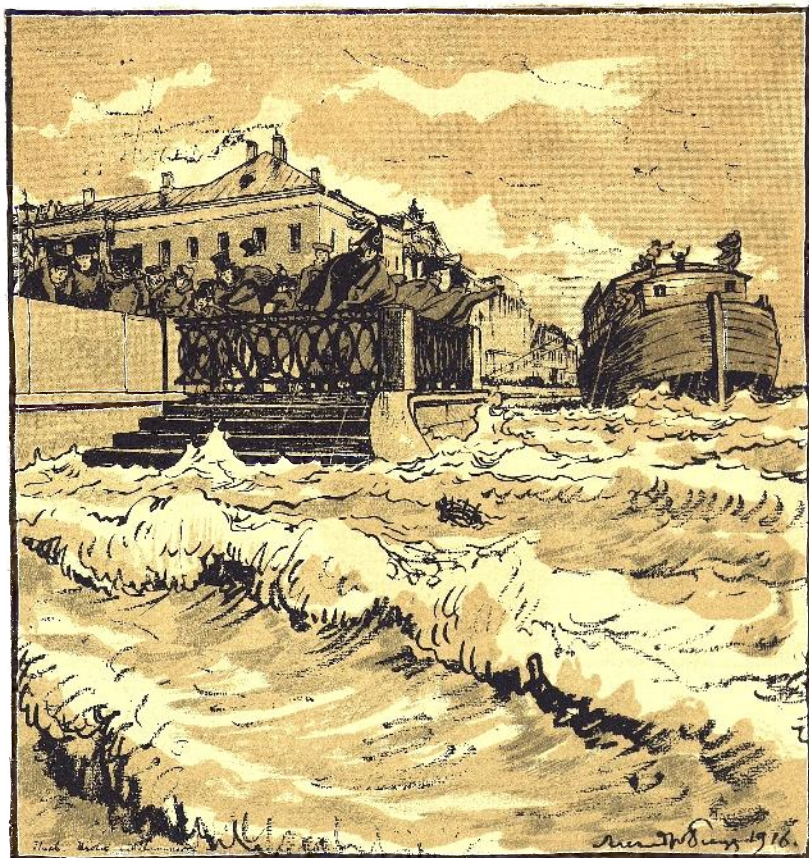
Итакъ, домой пришелъ, Евгений
Стряхнулъ шинель, раздѣлся, легъ,
Но долго онъ заснуть не могъ
Въ волненіи разныхъ размышленій.
О чемъ же думалъ онъ? о томъ,
Что былъ онъ бѣденъ; что трудомъ
Онъ долженъ былъ себѣ доставить
И независимость и честь;
Что могъ бы Богъ ему прибавить
Ума и денегъ. Что вѣдь есть
Такіе празныя щастливцы,
Ума недалняго лѣнивцы,
Которымъ жизнь куда легка!
Что врядъ еще черезъ два года
Онъ чинъ получитъ; что рѣка
Все прибывала; что погода
Не унималась; что едва-ль
Мостовъ не съымутъ; что конечно
Парашѣ будетъ очень жаль...
Тутъ онъ разнѣжился сердечно
И размечтался, какъ поэтъ.

«Женимся? Что-жь? Зачѣмъ-же нѣтъ?
И въ самомъ дѣлѣ? Я устройю
Себѣ смиренный уголокъ
И въ немъ Парашу успокою.
Кровать, два стула, шей горшокъ
Да самъ большой... Чего мнѣ болѣ?
Не будемъ прихотей мы знать,
По воскресеньямъ лѣтомъ въ полѣ
Съ Парашей буду я гулять;
Мѣстечко выпрошу; Парашѣ
Препоручу хозяйство наше
И воспитаніе ребячь...
И станемъ жить и такъ до гроба
Рука съ рукой дойдемъ мы оба
И внуки насъ похоронячь...»

Такъ онъ мечталъ. Но грустно было
Ему въ ту ночь и онъ желалъ,
Чтобъ вѣтеръ вѣлъ не такъ уныло
И чтобъ дождь въ окно спучалъ
Не такъ сердито...

Сонны очи
Онъ наконецъ закрылъ. И вопъ
Рѣдѣтъ мгла ненастной ночи
И блѣдный день ужъ настаеть...
Ужасный день!

Нева всю ночь
Рвалась къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
И спорить стало ей не въ мочь...³⁾
По утру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтровъ отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова,
И пуще, пуще свирѣпѣла,

Приподымалась и ревѣла,
Копломъ клочоча и клубясь,
И наконецъ, оспервениясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало и вокругъ
Все опустѣло — волны вдругъ
Вломились въ улицы, въ подвалы,
Съ Невой слились ея каналы,
И всплылъ Петрополь, какъ трипонъ,
По поясъ въ воду погружень.

Осада! приступъ! Лѣзуть волны,
Какъ звѣри, въ окна. Съ ними челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
Мосты, снесенные грозой,
Обломки хижинъ, бревны, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки бѣдныхъ, рухлядь ихъ,
Колеса дрожекъ городскихъ,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по городу!

Народъ

Зрять Божій гнѣвъ и казни ждешъ.
Увы! все гибнетъ: кровь и пища!
Гдѣ будетъ взятъ?

Въ томъ грозный годъ

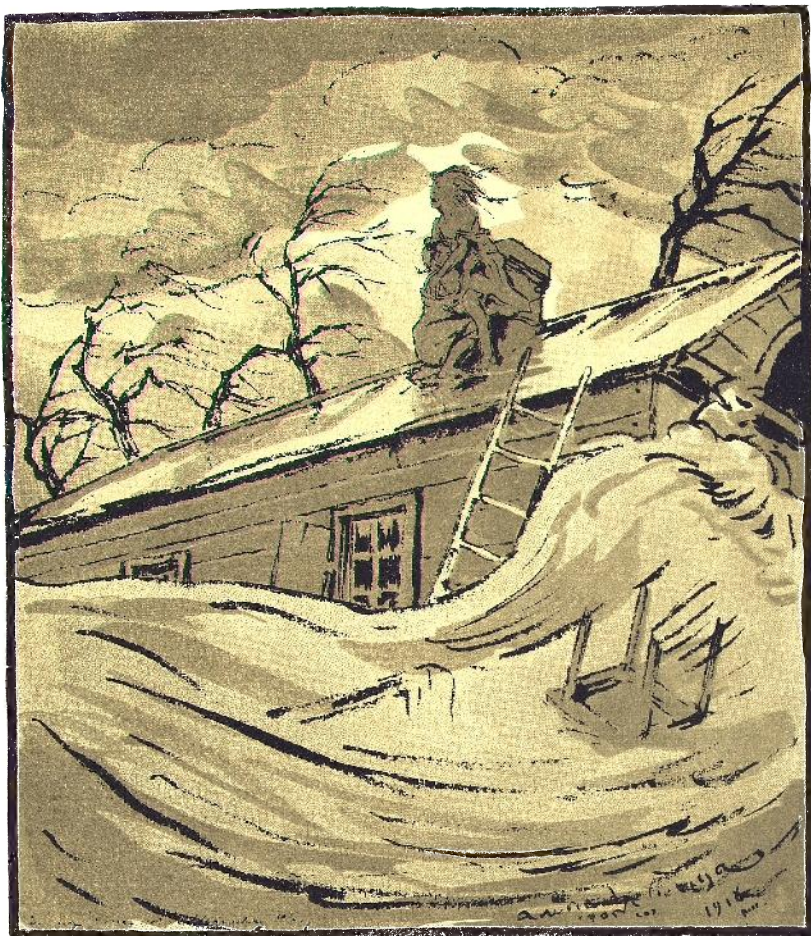
Покойный Царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ,
Печалень, смутень, вышелъ онъ
И молвилъ: «Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладѣтъ». Онъ сѣлъ
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли спогны озерами
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.

Царь молвилъ — изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнымъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились Генералы *)
Спасать отъ страха одичалый
И дома тонущій народъ.

Тогда на площади Петровой,
Гдѣ домъ въ углу вознесся новой,
Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ
Съ поднятой лапой, какъ живые,
Стоятъ два льва сторожевые,
На звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,
Сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный
Евгеній. Онъ спрашился бѣдный
Не за себя. Онъ не слыхалъ,
Какъ подымался жадный валъ,
Ему подошвы подмывая,
Какъ дождь ему въ лицо плескалъ,
Какъ вѣтеръ, буйно завывая,
Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.
Его опчаянные взоры
На край одинъ наведены
Недвижно были. Слово горы,
Изъ возмущенной глубины
Вставали волны тамъ и злились,
Тамъ буря выла, тамъ носились
Обломки... Боже, Боже! тамъ —
Увы! близехонько къ волнамъ,

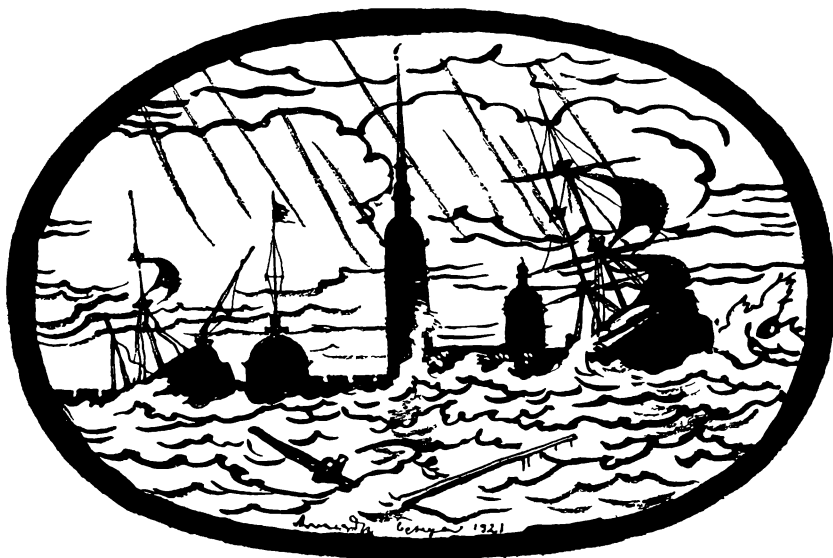

Почти у самага залива —
Заборъ некрашенный, да ива
И ветхий домикъ: тамъ онъ,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во снѣ
Онъ это видитъ? Иль вся наша
И жизнь ничто, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка Рока надъ землей?
И онъ, какъ будто околдованъ,
Какъ будто къ мрамору прикованъ,
Сойти не можетъ! Вкругъ него
Вода и больше ничего!

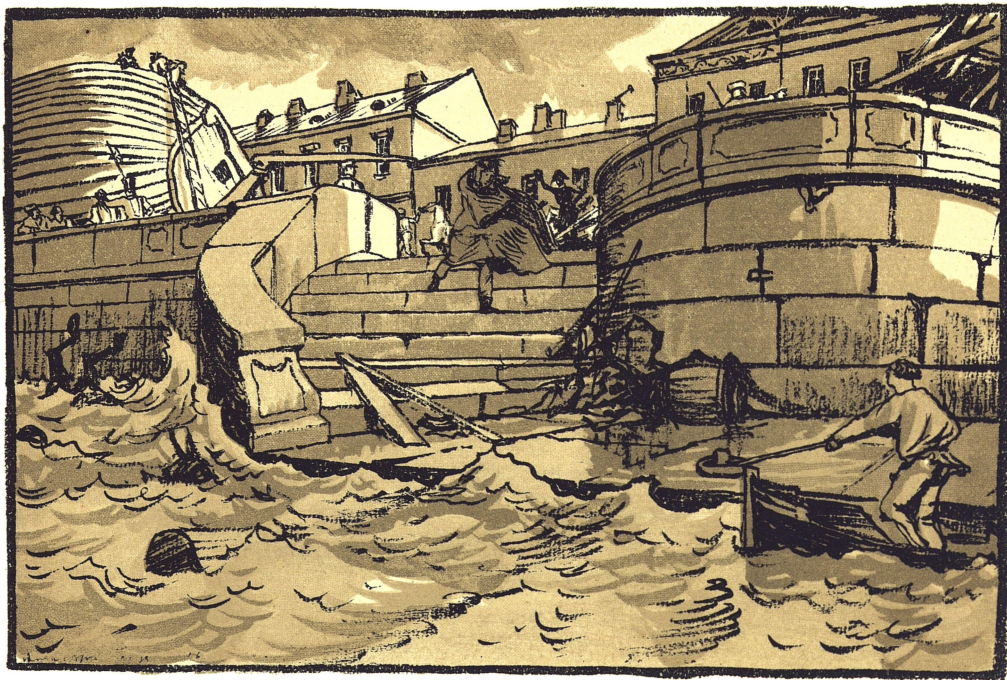
И обращенъ къ нему спиною
Въ неколебимой вѣшинѣ,
Надъ возмущенною Невою
Стоишь съ протерпюю рукою
Кумирь на бронзовомъ конѣ.

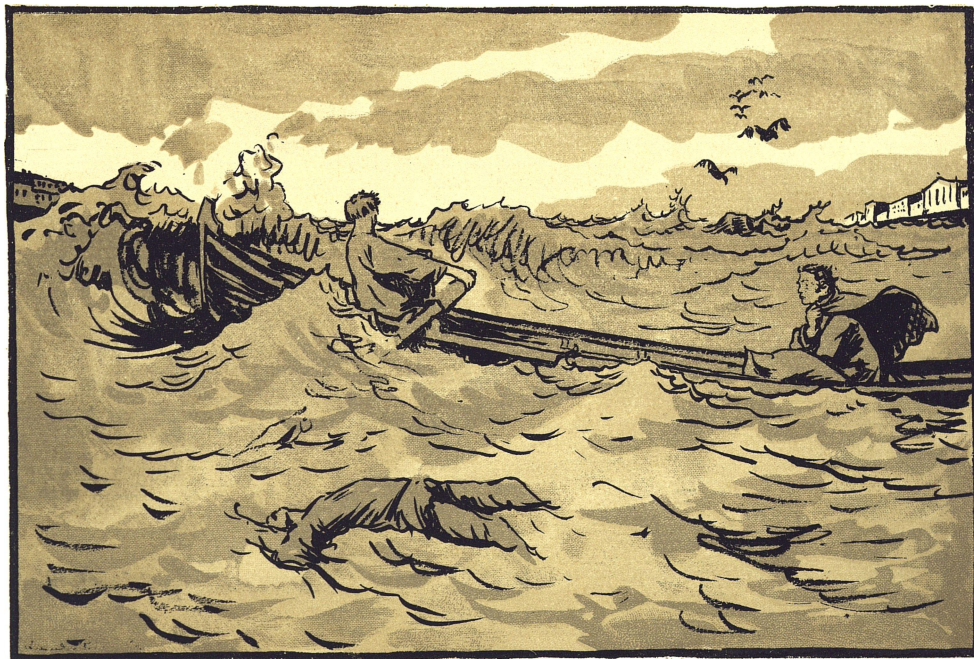
ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Но вотъ, насыпясь разрушенвемъ
И наглымъ буйствомъ упомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любясь возмущенвемъ
И покидая съ небреженвемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей
Въ село ворвавшись, ломить, рѣжетъ,
Крушитъ и грабитъ; вопли, скрежетъ,
Насилье, брань, превога, вой!...
И грабежомъ отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спѣшатъ разбойники домой,
Добычу на пути роняя.

Вода сбѣла, и мостовая
Открылась, и Евгений мой
Спѣшилъ, душою замирая,
Въ надеждѣ, страхѣ и тоскѣ
Къ едва смирившейся рѣкѣ.
Но торжествомъ побѣды полны,
Еще кипѣли злобно волны;
Еще подѣ ними плалъ огонь;
Еще ихъ пѣна покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Какъ съ битвы прибѣжавшій конь.
Евгеній смотритъ: видитъ лодку;
Онъ къ ней бѣжитъ, какъ на находку;
Онъ перевозчика зоветъ —
И перевозчикъ беззаботной
Черезъ волны страшныя охотно
Его за гривенникъ везетъ.

И долго съ бурными волнами
Боролся опытный гребецъ,
И скрылся въ глубь межъ ихъ рядами
Всечасно съ дерзкими пловцами
Готовъ былъ челнъ — и наконецъ
Достигъ онъ берега.

Нещастный

Знакомой улицей бѣжитъ
Въ мѣста знакомыя. Глядитъ,
Узнать не можетъ. Видъ ужасный!
Все передъ нимъ завалено;
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики, другіе
Совсѣмъ обрушились, иные
Волнами сдвинуты; кругомъ,
Какъ будто въ полѣ боевомъ,
Тѣла валяются. Евгенийъ
Стремглавъ, не помня ничего,
Изнемогая отъ мученій,
Бѣжитъ туда, гдѣ ждетъ его
Судьба съ невѣдомымъ извѣствемъ,
Какъ съ запечатаннымъ писемомъ.
И вопъ бѣжитъ ужъ онъ предмѣстvemъ,
И вопъ заливъ, и близокъ домъ...
Что жъ это?...

Онъ остано­вился.
Пошелъ назадъ и воро­тился.
Гляди­тъ... иде­тъ... еще гляди­тъ.
Вопъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стои­лъ;
Вопъ ива. Были здѣсь воро­та,
Снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?
И полонъ сумрачной за­боты,
Все ходи­тъ, ходи­тъ онъ кругомъ,
Толкуетъ громко самъ съ со­бою —
И вдругъ, удара въ лобъ рукою,
Захохоталъ.

Ночная мгла
На городъ прелепный сошла;
Но долго жи­тели не спали
И межъ собою толковали
О днѣ минувшемъ.

Утра лучь
Изъ-за успалыхъ, блѣдныхъ пучь
Блеснулъ надъ тихую столицей,
И не нашель уже слѣдовъ
Бѣды вчерашней; багряницей
Уже прикрыто было зло.
Въ порядокъ прежній все вошло.
Уже по улицамъ свободнымъ
Съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ
Ходилъ народъ. Чиновный людъ,
Покинувъ свой ночной приютъ,
На службу шель. Торгашъ отважный,
Не унывая, открывалъ
Невой ограбленный подвалъ,
Сбираясь свой убытокъ важный
На ближнемъ выместить. Съ дворовъ
Свозили лодки.

И Хвостовъ,
Поэтъ, любимый небесами,
Ужъ пѣлъ безсмертными стихами
Нещастіе невскихъ береговъ.

Но бѣднѣй, бѣднѣй мой Евгений...
Увы! его смятенный умъ
Противъ ужасныхъ потрясеній
Не устоялъ: Мятельный шумъ
Невы и вѣтровъ раздавался
Въ его ухахъ. Ужасныхъ думъ
Безмолвно полонъ, онъ кипался.
Его терзалъ какой-то сонъ.
Прошла недѣля, мѣсяць — онъ
Къ себѣ домой не возвращался.
Его пустынный уголокъ
Отдалъ въ наймы, какъ вшелъ срокъ,
Хозяинъ бѣдному поэту.
Евгеній за своимъ добромъ
Не приходилъ. Онъ скоро свѣту
Сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
А спалъ на пристани; пилъся
Въ окошко поданнымъ кускомъ.
Одежда ветхая на немъ
Рвалась и плѣла. Злѣя дѣти
Бросали камни вслѣдъ ему.

Нерѣдко кучерскія плети
Его стегали, потому
Что было все ему дорогой,
И дворъ и улица, но онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушёнъ
Былъ чудной, внутренней тревогой.
И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
Влачилъ, ни звѣрь, ни человекъ,
Ни то, ни сѣ, ни житель свѣта,
Ни призракъ мертвой...

Разъ онъ спалъ
У Невской пристани. Дни лѣта
Клонились къ осени. Дышалъ
Ненасный вѣтеръ. Мрачный валь
Плескалъ на пристань, ропща пѣни
И бѣсясь объ гладкія ступени,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему не внемлющихъ судей.
Бѣднякъ проснулся. Мрачно было;

Дождь капалъ, вѣтеръ вѣлъ уныло
И съ нимъ вдали, во тмѣ ночной,
Перекликался часовой...
Вскочилъ Евгений; вспомнилъ живо
Онъ прошлый ужасъ; поропливо
Онъ вспалъ; пошелъ бродить, и вдругъ
Остановился, и вокругъ
Тихонько спалъ водить очами
Съ боязнью дикой на лицѣ.
Онъ очутился подъ столбами
Большого дома. На крыльцѣ
Съ поднятой лапой, какъ живые,
Сстояли львы сторожевые,
И прямо въ темной вышинѣ
Надъ огражденною скалою
Кумиръ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ.

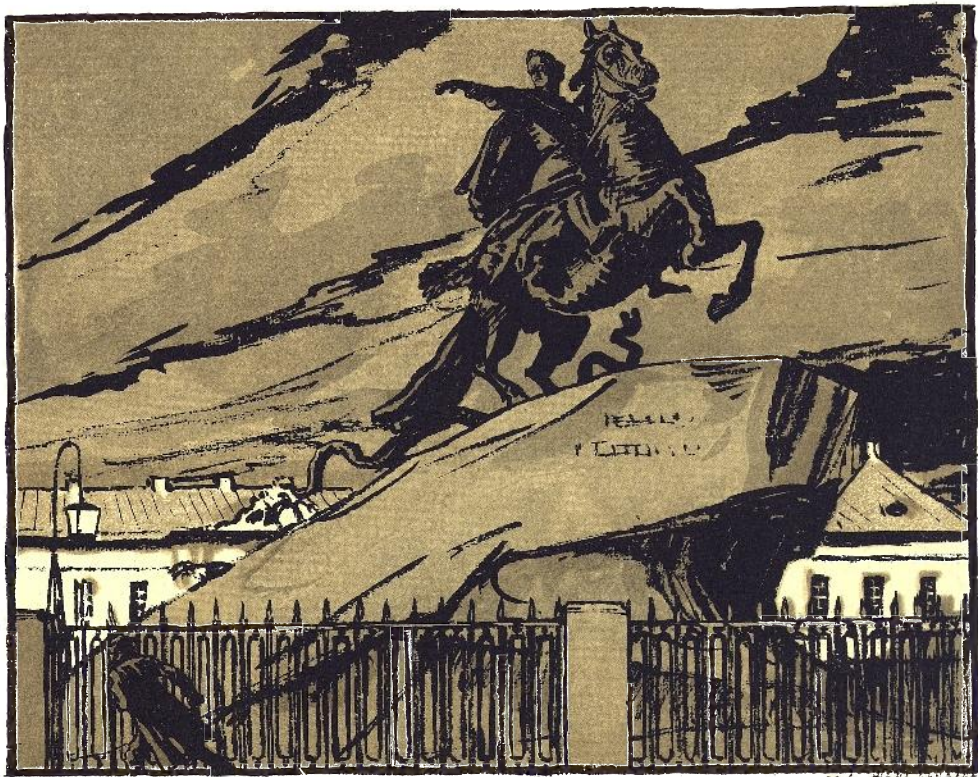
Годъ

Евгеній вздрогнулъ. Прояснились
Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потопись игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Бунтуя злобно вокругъ него,
И львовъ, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главой,
Того, чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался...
Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семь конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О, мощный властелинъ Судьбы!

Не такъ ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію поднялъ на дыбы? *)

Кругомъ подножія кумира
Безумецъ бѣднѣй обожель
И взоры дикіе навель
На ликъ Державца полуміра.
Стѣснилась грудь его. Чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ,
По сердцу пламень пробѣжалъ,
Вскипѣла кровь. Онъ мраченъ спалъ
Предъ Горделивымъ истуканомъ
И, зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
Какъ обуюнный силой черной,
«Добро, строитель чудотворный!»
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ.

«Уже тебя!..» И вдруг спремглавь
Бѣжати пустился. Показалось
Ему, что Грознаго Царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И онъ по площади пустой
Бѣжитъ и слышитъ за собой —
Какъ будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.

И, озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вѣшинѣ,
За нимъ несется Всадникъ Мѣднѣй
На звонко скачущемъ конѣ;

И во всю ночь, безумецъ бѣднѣй,
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду Всадникъ Мѣднѣй
Съ тяжелѣмъ попомомъ скакалъ.

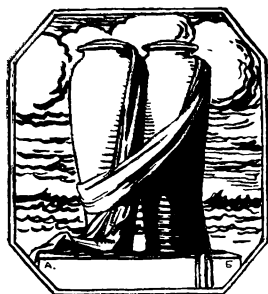
И съ той поры, когда случалось
Идти той площадью ему,
Въ его лицѣ изображалось
Смятеніе. Къ сердцу своему
Онъ прижималъ поспѣшно руку,
Какъ бы его смиряя муку,
Колпакъ изношенный сымалъ,
Смущенныхъ глазъ не подымалъ
И шель сторонкой.

ЗАВЛЮЧЕНИЕ

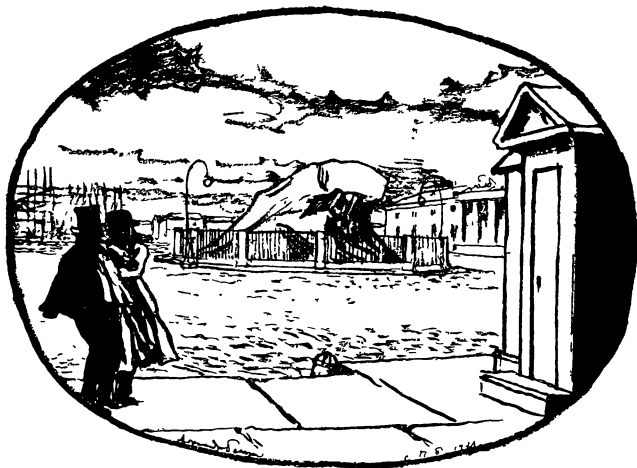

Островъ малый

На взморѣ виденъ. Иногда
Причалилъ съ неведомъ туда
Рыбакъ, на ловлѣ запоздалый,
И бѣднѣй ужинъ свой варить,
Или мечтатель посѣтитъ,
Гуляя въ лодкѣ, въ воскресенье,
Пустынный островъ. Не взросло
Тамъ ни былинки. Наводненѣ
Туда, играя, занесло
Домишко ветхій. Надъ водою
Остался онъ, какъ черной кустъ.
Его прошедшею весною
Свели на баркѣ. Былъ онъ пустъ
И весь разрушенъ. У порога
Нашли безумца моего,
И тупъ же хладнѣй трупъ его
Похоронили ради Бога.

ПРИМЪЧАНІЯ

1. Албгаротти гдѣ-то сказалъ: «Pétersbourg est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe».

2. Смотри стихи кн. Вяземскаго графинѣ З***.

3. Мицкевичъ прекрасными стихами описалъ день, предшествовавшій Петербургскому наводненію. Жаль только, что описаніе его не точно. Снѣгу не было — Нева не была покрыта льдомъ. Наше описаніе вѣрнѣе, хотя въ немъ и нѣтъ яркихъ красокъ польскаго поэта.

4. Графъ Милорадовичъ и Генераль-Адъютантъ Бенкендорфъ.

5. Смотри описаніе памятника въ Мицкевичѣ. Оно заимствовано изъ Рубана — какъ замѣчаетъ самъ Мицкевичъ.

ТЕКСТЪ МЪДНАГО ВСАДНИКА

СТАТЪЯ

П. Е. ЩЕГОЛЕВА

Восемьдесят пять лет прошло с момента создания «Мѣднаго Всадника», и ни одно издание сочинений Пушкина не воспроизвело того текста «Мѣднаго Всадника», который Пушкин, как мы достоверно знаем, предназначал для печати. И только в настоящем издании текст «Мѣднаго Всадника» впервые за 85 лет появляется в той редакции, в которой Пушкин хотел видеть в печати свою «Петербургскую повѣсть». Такое утверждение обязывает к некоторым объяснениям.

I

«Мѣднѣй Всадникъ» былъ завершёнъ въ Болдинѣ, въ октябрѣ 1833 года. Въ черновомъ наброскѣ начальныхъ стиховъ «Мѣднаго Всадника» (тетрадь Румянцовскаго Музея № 2374 л. 7 об.) имѣется помѣтка «6 октября». Въ октябрѣ 1833 года текстъ «Мѣднаго Всадника» вышелъ изъ стадіи черновой обработки и былъ переписанъ Пушкинымъ почти набѣло. Эта бѣловая редація въ автографѣ поэта находится въ тетрадѣ формата почтовой бумаги верхе съ водяными знаками «А Г, А. Гончаровъ, 1830, 1829», вшитой совершенно неправильно въ тетрадь № 2375, хранящуюся въ Румянцовскомъ Музеѣ.

Въ этой тетрадѣ находимъ двѣ даты: подъ послѣднимъ стихомъ вступленія — «29 окт.» — и подъ послѣднимъ стихомъ повѣсти — «31 окт. 1833. Болдино 5ч — 5м». Послѣднюю помѣтку придется расшифровать такъ: «Мѣднѣй Всадникъ» законченъ перепиской въ бѣловой редакціи въ 5 час. 5 мин. 31 октября 1833 года.

20 ноября 1833 года Пушкинъ вернулся въ Петербургъ, продалъ изданіе «Мѣднаго Всадника» Смирдину и представилъ рукопись на высочайшую цензуру. Въ дневникѣ Пушкина подъ 14 декабря 1833 года читаемъ слѣдующую записъ: «11-го получено мною приглашеніе отъ Бенкендорфа явиться къ нему на другой день утромъ. Я пріѣхалъ. Мнѣ возвращаютъ Мѣднѣй Всадникъ съ замѣчаніями Государя. Слово кумиръ не пропущено высочайшей цензурою; стихи

И передъ младшею столицей
Померкла старая Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиросная вдова.

— вымараны. На многихъ мѣстахъ поставленъ (?). Все это дѣлаетъ мнѣ большую разницу. Я принужденъ былъ перемѣнить условіе со Смирдинымъ». Немного позже Пушкинъ сообщилъ П. В. Нащокину: «завѣсь имѣлъ я непріятности денежныя, я сговорился было со Смирдинымъ и принужденъ былъ уничтожить договоръ, потому что Мѣднаго Всадника цензура не пропустила. — Это мнѣ убытокъ».

Рукопись «Мѣднаго Всадника», побывавшая въ высочайшей цензурѣ и хранящая цензурныя вымарки и ?, дошла до насъ. Эта нарядная бѣловая тетрадь, прекрасной почтовой бумаги большого формата, написанная наряднымъ пушкинскимъ почеркомъ почти безъ помарокъ, включена въ настоящее время въ тетради Румянцовскаго Музея № 2376 — В.

Текст «Мѣднаго Всадника» въ этомъ автографѣ представляетъ ту дефинитивную, окончательную редакцію, въ которой Пушкинъ хотѣлъ видѣть свою повѣсть въ печати. По сравнению съ первою бѣловою редакціею, в тетради 2375, вышеупомянутой, текстъ окончательной редакціи представляетъ не мало измѣненіи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи первому тексту присвоено названіе бѣловой редакціи, второму — окончательной редакціи.

Пушкинъ не пожелалъ вносить какихъ-либо измѣненія въ соотвѣтствии съ высочайшими? въ окончательную редакцію «Мѣднаго Всадника», разорвалъ условіе съ Смирдинымъ и положилъ рукопись подъ сукно своего письменнаго стола. Въ началѣ апрѣля 1834 года Пушкинъ лаконично отвѣчалъ Погодину: «Вы спрашиваете меня о Мѣдномъ Всадникѣ, о Пугачевѣ и о Петрѣ Первомъ не будетъ напечатанъ». Почти черезъ годъ, 24 октября 1834 года, А. И. Тургеневъ писалъ князю П. А. Вяземскому, уѣхавшему лѣтомъ этого года за границу: «Пушкинъ вчера навѣстилъ меня. Поэма его о наводненіи (т. е. Мѣдныи Всадникъ) превосходна, но исчертана, и потому не печатается». При жизни Пушкина появился въ печати только одинъ отрывокъ изъ «Мѣднаго Всадника» — вступленіе подъ заголовкомъ «Петербургъ. Отрывокъ изъ поэмы» въ «Библиотекѣ для чтенія» (1834, т. 7, стр. 116 — 119) въ двѣнадцатой книгѣ, вышедшей въ свѣтъ 1 декабря 1834 года. Текстъ «Библиотеки для чтенія» абсолютно тождественъ тексту окончательной редакціи. Высочайшая цензура по отношенію къ этой частіи «Мѣднаго Всадника» проявила себя только въ одномъ случаѣ: именно здѣсь и находятся тѣ четыре стиха, которые были вымараны и приведены нами выше въ цитатѣ изъ дневника Пушкина. Въ текстѣ «Библиотеки для чтенія» эти стихи выпущены и обозначены точками. Необходимо отмѣтить и подчеркнуть, что Пушкинъ не считалъ возможнымъ прибѣгнуть къ какой-либо замѣнѣ или исправленію этихъ стиховъ.

II

«Мѣдныи Всадникъ» появился въ печати лишь послѣ смерти Пушкина, въ пятой книгѣ «Современника», изданной по смерти его друзьями кн. П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, А. А. Краевскимъ, кн. В. Ф. Одоевскимъ и П. А. Плетневимъ. Въ этой книгѣ текстъ повѣсти помѣщенъ на первомъ мѣстѣ и представляетъ новую редакцію, которую мы условно называемъ *посмертной*, эта редакція представляетъ значительныя отличія отъ бѣловой и окончательной. До насъ дошла и рукопись, въ которой текстъ «Мѣднаго Всадника» находится въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ появился на страницахъ «Современника». Это писарская копія текста съ многочисленными исправленіями, сдѣланными чернилами и карандашомъ, находящаяся сейчасъ въ тетрадѣ Румянцовскаго Музея № 2376 — Б. Такъ какъ рѣшительно во всѣхъ изданіяхъ «Мѣднаго Всадника» въ основу положенъ текстъ именно этой писарской копии, то необходимо остановиться подробно на этой писарской копии.

Она представляетъ тетрадь въ листъ изъ семи писчихъ листовъ бумаги зеленоватаго цвѣта — шесть листовъ съ золотымъ обрѣзомъ съ водяными знаками А. Гончаровъ и 1834, седьмой со знакомъ М. Ф. А. Г. гербъ и 1834 *) Это наблюдение приводитъ къ выводу, что переписывался текстъ «Мѣднаго Всадника» значительно позже октября и ноября 1833 года, когда были переписаны Пушкинымъ бѣловая и окончательная редакціи.

*) Тетрадь вшита неправильно въ тетрадь 2376 — Б. Порядокъ листовъ долженъ быть такой: послѣдній полулистъ долженъ быть первымъ. На немъ — заглавіе «Мѣдныи Всадникъ. Петербургская повѣсть (1833)» и помѣтка красными чернилами 53. Второго полулиста съ предисловіемъ помѣченъ цифрой 10. Дальше полулисты должны быть расположены такъ: 11, 52, 12, 51, 13, 50, 14, 49, 15, 48, 16, 47. На 47 заголовокъ примѣчанія, а самыя примѣчанія (полулистъ) вшиты въ автографъ окончательной редакціи, здѣсь полулистъ съ примѣчаніями сложенъ вдвое и имѣетъ помѣтку — 31 и 32.

Бумага со знакомъ 1834 года могла быть выпущена съ фабрики — самое раннее — въ самомъ концѣ 1833 года, въ началѣ 1834 года

Текстъ писарской копии подвергся многочисленнымъ исправлениямъ Судя по черниламъ, можно сказать, что исправления появились въ тетради не одновременно Принадлежатъ исправления по меньшей мѣрѣ двумъ авторамъ Пушкину и Жуковскому Легко удостоверить, что поправки Жуковского появлялись кое-гдѣ надъ поправками Пушкина Такимъ образомъ писарская копия предлагаетъ два текста одинъ — тотъ, которыи читался въ ней до исправлени и другой — тотъ, которыи читается послѣ всѣхъ исправлени

Сравнивая тотъ текстъ, которыи представляла писарская копия до исправлени, съ текстомъ автографа окончательной редакци, мы находимъ полное тождество *) Мы могли бы съ абсолютной достоверностью утверждать, что передъ глазами переписчика лежала именно та самая парадная тетрадь, которая была представлена Пушкинымъ Николаю Павловичу, если бы не было исключение, быть можетъ, въ нѣкоторой, весьма малои мѣрѣ, ослабляющее абсолютность такого утверждения Въ писарской копии ст 93—96 переписаны не въ той редакци, какая имѣется въ автографѣ, а въ иной, для которой автографъ никоимъ образомъ не даетъ основани Вотъ текстъ автографа (на лѣвой сторонѣ) и текстъ писарской копии (на правой)

Была ужасная пора

Объ ней начну повѣствованье
И будь оно, друзья, для васъ
Вечерни, страшныи лишь разказъ,
А не зловѣщее преданье

Объ ней свѣжо воспоминанье
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье
Печалень будетъ мои разказъ

Второй текстъ писарской копии, — тотъ, которыи копия даетъ послѣ исправлени, — абсолютно тождественъ тексту «Современника» Если эта писарская рукопись не была оригиналомъ набора, то оригиналомъ была новая копия, сдѣланная буква въ букву съ исправленной писарской копии Такимъ образомъ, исправлениями, нанесенными на писарской копии, исчерпываются всѣ отличия окончательной пушкинской редакци отъ помертвой, появившейся въ «Современникѣ»

III

Исправления текста окончательной редакци, которыя сдѣланы въ писарской копии можно разбить по двумъ категориямъ

Исправления и измѣнения первой категории вызваны тѣми отмѣтками, которыя были сдѣланы въ автографѣ поэта карандашемъ высочайшаго цензора Исправлявшие приняли во внимание и посчитались со всеми рѣшительно отмѣтками, подчеркиваниями, ? и NB, выставленными если не Николаемъ Павловичемъ, какъ думалъ Пушкинъ на основани словъ Бенкендорфа, то какимъ-либо специалистомъ по литературѣ при III Отдѣлени

Прежде чѣмъ перейти къ детальному разсмотрѣнню отмѣтокъ и указани, сдѣланныхъ цензоромъ «Мѣднаго Всадника», и исправлени, сдѣланныхъ согласно этихъ указани, отмѣтимъ общи ихъ характеръ, бросающися въ глаза даже послѣ поверхностнаго обзорѣния Неприязненное отношение цензора вызвали тѣ стихи, въ которыхъ изображается Мѣдныи Всадникъ Въ высокой степени подозрительнымъ показалось цензору то обстоятельство, что поэтъ надѣлилъ Мѣднаго Всадника свойствами существа сверх-

*) Можно было бы и не упоминать о двухъ явныхъ ошибкахъ переписчика при перепискѣ Такъ, въ ст 123 «Итакъ домой *пришедь* Евгении» переписчикъ, не разобравъ переписалъ «*пришель*», а въ ст 267 «Въ село ворвавшись, *ловитъ*, рѣжетъ» писецъ переписалъ «*ловить*» Эти описки были введены въ печатный текстъ «Мѣднаго Всадника»

человѣческаго Пушкинѣ, обожествлявши царя, казался приносящимъ дары данаицемъ. Пушкинскіе эпиграфы «кумиръ», «горделивыи истуканъ», «строитель чудотворныи», «воля роковая» привлекли опасливое вниманіе цензора, элементъ чудесности (обращавшееся тихонько лицо кумира, тяжело звонкое скаканье) казался цензору подозрительно непонятнымъ. Всѣ стихи, относящіеся къ характеристикѣ Мѣднаго Всадника, къ его обожествленію, обильно испещренны подчеркиваніями, отчеркиваніями, постановкой на поляхъ ? и NB Автору надлежало измѣнить всѣ указанныя стихи, а совокупностью указаніи цензора требовалось отъ поэта не замѣна однихъ стиховъ другими, не отзвучивающаяся на строѣ, на планѣ произведенія, а радикальное измѣненіе именно въ строѣ, именно въ планѣ. Безсловесныя указанія цензора были въ одну точку и весьма легко поддавались истолкованію, да, по всеи вѣроятности, были разъяснены и на словахъ Бенкендорфомъ, когда онъ возвращалъ Пушкину рукопись «Мѣднаго Всадника». Поэтъ сознавалъ, что отъ него требуется устраненіе изъ повѣсти создаваемого инкриминированными стихами впечатлѣнія и настроенія, устраненіе почти цѣликомъ одной изъ двухъ основныѣхъ частей содержанія «Мѣднаго Всадника». Никакой авторъ, а тѣмъ болѣе Пушкинъ, не совершилъ бы надъ собою самоубійства, а такое искаженіе текста, которое требовалось отъ поэта, было равносильно самоубійству.

Пушкинъ жаждалъ видѣть въ печати «Мѣднаго Всадника» и какъ авторъ, и какъ гражданинъ, ибо «Мѣдныи Всадникъ» былъ для Пушкина не только произведеніемъ художественнымъ, но и политическимъ. Былъ и еще одинъ мотивъ жажды, важныи, но иного порядка. Пушкину нужны были деньги. И всѣ эти мотивы потеряли для Пушкина всякую силу, когда онъ увидѣлъ, какихъ измѣненій, какой переработки текста требуютъ отъ него цензурныя указанія. Пушкинъ разорвалъ контрактъ съ Смирдинымъ и отказался отъ мысли видѣть въ печати «Мѣднаго Всадника». Прошло нѣкоторое время, и Пушкинъ, томимый желаніемъ напечатать свою повѣсть, сдѣлалъ попытку произвести операцію надъ своими стихами, произвелъ опытъ искаженія повѣсти и несомнѣнно палъ подъ бременемъ этихъ исправленій. Онъ не довелъ ихъ до конца, къ нему на помощь (надо думать, уже послѣ его смерти) пришелъ Жуковскіи. Онъ беззаботно отнесся къ трагической борьбѣ поэта съ цензурой и легкой рукою, карандашикомъ, довелъ до конца исправленіе текста по указаніямъ цензора и привелъ «Мѣднаго Всадника» въ приемлемый для цензуры видъ. Всю плетворность искажительной дѣятельности Жуковскаго, всю глубину искаженій, причиненныхъ исправленіями, можно оцѣнить при сравнительномъ обзорѣ ннхъ текстовъ окончательной и посмертной редакціи.

1 Зачеркнутымъ въ автографѣ окончательной редакціи оказалось только одно мѣсто — ст 39—42. На поляхъ противъ этихъ стиховъ сдѣлана замѣтка

39 И передъ младшею Столицен
Померкла старая Москва
Какъ передъ новою царицей
Порфиросная вдова

Въ писарской копии исправленъ только ст 40

Померкла старая Москва

Главою склонилася Москва

Текстъ стиха въ новой редакціи вписанъ карандашомъ рукою Жуковскаго. Въ такомъ исправленномъ видѣ стихи 39—42 появились и въ «Современникѣ». Отмѣтимъ, что ст 40 въ новой редакціи, вписанныи рукою Жуковскаго, все же стихи пушкинскіи, онъ находится въ автографѣ бѣловой редакціи въ тетради № 2375.

Быть можетъ, это исправленіе даетъ нѣкоторое хронологическое указаніе. Отрывокъ изъ повѣсти, заключавшии и эти заподозренныя ст 39—42, появился въ печати, какъ было указано, въ декабрѣ 1834 года. Эти стихи въ печати были выпущены, слѣдова-

пелдно, къ этому времени сп 39—42 не получили того исправленного и цензурного вида, въ которомъ мы читаемъ ихъ по исправленіи въ писарской копии А если еще вспомнимъ упоминаніе А И Тургенева о невозможности напечатать «Мѣднаго Всадника» отъ октября 1834 года, то нельзя ли придти къ заключенію, что опытъ исправленія текста былъ предпринятъ Пушкинымъ уже послѣ появленія въ печати отрывка о Петербургѣ, т е позже декабря 1834 года?

2 Въ стихахъ 258—259 и 401—403 слово «кумиръ» подчеркнуто, стихи отчеркнуты на поляхъ и отмечены? и NB Въ писарской копии начало исправленію положилъ Пушкинъ, онъ вмѣсто зачеркнутаго «кумиръ» написалъ «сѣдокъ», но затѣмъ Жуковскій, не удобольствовавшись этимъ измѣненіемъ, завершилъ исправленіе, и рядомъ съ «сѣдокъ» написалъ уже свои варианты «гигантъ» Вотъ текстъ этихъ стиховъ въ окончательной и посмертной редакціяхъ

258 Стоить съ простертою рукою
Кумиръ на бронзовомъ конѣ

Сидить съ простертою рукою
Гигантъ на бронзовомъ конѣ

402 Кумиръ съ простертою рукою

Гигантъ съ простертою рукою

3 Въ сп 411—428, описывающихъ Мѣднаго Всадника, какимъ онъ предсталъ предъ очувшимся Евгениемъ, подчеркнуты сп 411—412, отчеркнуты сп 411—413, отчеркнуты и отмѣчены NB сп 420—423, отмѣченъ NB сп 424 и въ немъ слово «кумиръ» подчеркнута Въ писарской копии подвергнуты исправленію сп 410—412, получивше не сразу тотъ посмертный видъ, въ которомъ они появились Пушкинъ сдѣлалъ попытку измѣнить стихи 420—423 Въ скобкахъ—зачеркнутое, разрядкой—вписанное Пушкинымъ

(властелинъ) баловень судьбы
Не такъ ли ты скакалъ Надъ (самою) бездною
(На высотѣ) И осадивъ

Но Пушкинъ, очевидно, отказался отъ мысли выправить эти стихи Впослѣдствіи сп 413—423 были зачеркнуты карандашомъ, а предшествовавшіе имъ сп 410—413 были выправлены карандашомъ Жуковского и въ его исправленіи приобрѣли неожиданно пошлый отпѣнокъ, который, — легко представитъ, — не могъ бы не привести въ неистовство Пушкина Сп 424—428 подверглись обработкѣ Пушкина, но къ чему могли привести вынужденныя насильственные измѣненія текста? Да только къ его обезкровленію, обезцвѣченію Читатель безъ труда оцѣнитъ степень авторскаго терзанія, сравнивъ текстъ до исправленія—окончательной редакціи—и послѣ исправленія—посмертной

Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главою,
Того, чѣмъ волеи роковой
Надъ моремъ городъ основался
Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семь конѣ какою огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О, мощныи властелинъ Судьбы!
Не такъ ли ты надъ самою бездною,
На высотѣ, уздой жезльной
Россию подыалъ на дыбы?
Кругомъ подножія кумира
Безумецъ бѣдныи обошелъ
И взоры дикіе навелъ
На ликъ Державца полумира
Стѣснилась груда его Чело

Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ съ мѣдною головой
И съ распростертою рукою,
Какъ будто градомъ любовался,

Безумецъ бѣдныи обошелъ
Кругомъ скалы съ тоскою дикой
И надпись яркую прочелъ,
И сердце скорбію великой
Стѣснилось въ немъ Его чело

4 Но еще болѣе кощунственному искажению подверглось центральное, можно сказать, мѣсто «Мѣднаго Всадника» — стихи 431 — 438. Въ автографѣ ст 433 отмѣченъ NB и въ немъ подчеркнуты слова «Горделивымъ истуканомъ», ст 436 — 450 отчеркнуты, противъ ст 436 на поляхъ поставлено NB, а въ текстѣ стиха подчеркнуты слова «строитель чудотворный». Пушкинъ сдѣлалъ попытку исправления, представление о которой дастъ слѣдующее воспроизведение части писарской копии. Въ прямыхъ скобкахъ поставлены зачеркнутые чернилами слова и стихи. Исправления, сдѣланные Пушкинымъ, набраны разрядкой. Пушкинъ исправлялъ перомъ, поэтому и зачеркивание перомъ нужно приписать ему.

- 431 [По сердцу пламень пробѣжалъ]
И вздрогнулъ онъ — и
432 [Вскипѣла кровь] [Онъ] мраченъ сталь
недвижнымъ великаномъ
433 Предъ [горделивымъ] [истуканомъ]
персть съ угрозою подыявъ
434 И [зубы стиснувъ, пальцы] [сжавъ]
Шепнулъ, волнуемъ мыслью
435 [Какъ обаянныи] [силои] черной
436 «Добро строитель чудотворный!»
437 [Шепнулъ онъ злобно задрожавъ]
Но
438 «Уже тебя!» » [И] вдругъ стремглавъ

Послѣ Пушкина дальнѣйшее исправление этихъ стиховъ было совершено Жуковскимъ. Онъ правилъ карандашомъ. Въ мѣсто зачеркнутаго чернилами стиха 431 Жуковский написалъ свои стихи:

По членамъ холодъ пробѣжалъ

Затѣмъ онъ попытался устранимъ пушкинское исправление въ ст 432, зачеркнулъ его, написалъ свои варианты «задрож», затѣмъ отказался и восстановилъ пушкинскій вариантъ. Пушкинское исправление въ ст 433 также не понравилось Жуковскому, онъ зачеркнулъ эпитетъ «недвижнымъ» и вписалъ свои «дивнымъ русскимъ». Пушкинскія исправления ст 434 и 435 не удовлетворили Жуковского, онъ зачеркнулъ ихъ такъ же какъ и слѣдующи, 436 стихъ. Въ ст 438 онъ зачеркнулъ знаменитое восклицаніе «Уже тебя», а въ мѣсто ст 434 — 438 сочинилъ слѣдующи текстъ:

И персть свои на него подыявъ
Задумался

Вотъ для сравнения текстъ автографа (окончательной, пушкинской редакци) и «Современника» (посмертной редакци)

По сердцу пламень пробѣжалъ,
Вскипѣла кровь. Онъ мраченъ сталь
Предъ Горделивымъ Истуканомъ
И, зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
Какъ обаянныи силои черной,
«Добро строитель чудотворный!»
Шепнулъ онъ злобно задрожавъ
«Уже тебя!» » И вдругъ стремглавъ

По членамъ холодъ пробѣжалъ,
И вздрогнулъ онъ — и мраченъ сталь
Предъ дивнымъ русскимъ Великаномъ
И, персть свои на него подыявъ,
Задумался. Но вдругъ стремглавъ

Лишне доказывать, что подобныя исправления были преступленіемъ противъ творчества и искусства *)

*) Для полноты обзора укажемъ и еще одно исправление въ ст 449

Простерши руку въ вышинѣ

Простерши руки въ вышинѣ

Изъ обзорѣнія исправленіи, вызванныхъ указаніями цензуры, можно заключить, что Пушкинъ, насильственно вынужденный къ исправленію своего зрѣлѣйшаго произведенія, преломилъ себя и приступилъ къ тягостной операци надъ своими стихами, но его терпѣнія не хватило, онъ остановился на полдорогѣ и отбросилъ въ сторону писарскую копию со своими исправленіями. Пришелъ Жуковскій и завершилъ операцию, доведя исправленія до желаннаго цензурнаго конца и простирая безцеремонность въ обращеніи съ пушкинскимъ текстомъ вплоть до сочиненія собственныхъ стиховъ «подъ Пушкина» и введенія ихъ въ текстъ «Мѣднаго Всадника»

IV

Но окончательная редакція «Мѣднаго Всадника», закрѣпленная автографомъ поэта и перенесенная отсюда въ писарскую копию, испѣвала и другія исправленія, которыя вызваны были, не вынуждаясь требованіями цензора, соображеніями иного порядка художественными, стилистическими и т. п. Когда такого рода исправленія дѣлались въ своихъ стихахъ Пушкинъ, въискательный художникъ, мотивы ихъ могутъ быть намъ понятны. Не касаемся пока вопроса, насколько прочны были въ глазахъ самого Пушкина такія исправленія, насколько они окончательны, усвоены ли они текстомъ Пушкина непрерываемо и т. д. Но когда такія исправленія производилъ въ стихахъ Пушкина Жуковскій, то мотивы ихъ почти не воспринимаются нами. Даже дружеская пріязнь Жуковскаго къ Пушкину не можетъ ни въ какой мѣрѣ оправдать его приязани на исправленіе текста.

Обзорѣніе исправленіи второй категории начнемъ съ перечисленія мелкихъ измѣненій въ отдѣльныхъ стихахъ. Такихъ мелкихъ измѣненіи, являющихся отступленіями посмертной редакціи отъ окончательной, насчитывается всего 13

111	Мое перо къ тому же дружно	Мое перо ужъ какъ-то дружно
119	Живеть въ чуланѣ	Живеть въ Коломнѣ
121	Ни о почитущей роднѣ	Ни о покоиницѣ роднѣ
123	Итакъ домой пришелъ Евгений	Итакъ домой пришелъ Евгений
159	Такъ онъ мечталъ Но грустно было	Такъ онъ мечталъ И грустно было
218	Спасать отъ страха одичалыи	Спасать и страхомъ обурялыи
232	Какъ дождь ему въ лицо плескалъ	Какъ дождь ему въ лицо хлесталъ
267	Въ село ворвавшись, лопитъ, рѣжетъ	Въ село ворвавшись, лопитъ, рѣжетъ
281	Еще подъ ними тлѣлъ огонь	Какъ бы подъ ними тлѣлъ огонь
289	Черезъ волны страшныя охотно Его за гривенникъ везетъ	Его за гривенникъ охотно Черезъ волны страшныя везетъ
344	Свозили лодки И Хвостовъ	Свозили лодки Графъ Хвостовъ
462	Колпакъ изношенныи сымалъ	Карпузъ изношенныи сымалъ
469	Или мечтатель посѣтитъ	Или чиновникъ посѣтитъ

Касательно исправленіи въ ст 4 (пришелъ вм. пришедеъ) и ст 8 (ловить вм. лопитъ) должно замѣтить, что предлагаемыя писарской копией чтенія являются результатомъ не исправленія, а просто невѣрнаго чтенія оригинала. Относительно нѣкоторыхъ исправленіи въ силу ихъ крайнеи незначительности было бы, быть можетъ, рискованно устанавливать по почерку, кѣмъ они сдѣланы—такъ въ ст 159 и вмѣсто но, въ ст 289—290—простая перестановка словъ. Но относительно нѣкоторыхъ исправленіи можно съ полной увѣренностью утверждать по ихъ почерку, что они сдѣланы никѣмъ другимъ, какъ Жуковскимъ. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія для всякаго, знающаго руку Жуковскаго. Таковы писанныя имъ слова «ужъ какъ-то» (вм. къ тому же—ст 111), въ Коломнѣ

(вм въ чуланѣ — ст 119), покоиницѣ (вм почющен — ст 121) и п д Не будемъ теряться въ изыскани мотивовъ, по которымъ Жуковскии обратилъ чуланъ въ Коломну, пренебрегъ словомъ почющи и п д Для нашей цѣли достаочно лишь констатировать, что исправления сдѣланы Жуковскимъ *)

Болѣе крупныя измѣнения были сдѣланы въ писарской копии въ трехъ случаяхъ 1) въ ст 136—158 (мечты Евгения), 2) въ ст 179—199 (описание наводнения), 3) въ ст 370—374 (Евгени въ чудной, внутренней превогѣ)

1 Ст 136—158 подверглись значительному измѣнению Ихъ содержание въ окончательной редакци мысли Евгения о чинѣ, о подъемѣ воды, о погодѣ, о мостахъ, объ огорченни Парашы (136—141) и его мечты о семейной жизни и о безоблачномъ семейномъ счастьѣ (142—158) Мечты не нашли мѣста въ посмертной редакци, и ст 144—158 въ писарской копии оказались зачеркнутыми Устранение этихъ стиховъ вызвало необходимость въ измѣнени связанныхъ съ ними стиховъ 136—143 Эти стихи поже перечеркнуты и путь же въ рукописи исправлены

136 [Онъ думалъ] Что врядъ еще черезъ два года
Онъ чинъ получитъ, что рѣка
Все прибывала, что погода
Не унималась, что еда-ль

140 Мостовъ не съмнутъ, что конечно
Парашѣ будетъ очень жаль
Тутъ онъ разнѣжился сердечно
И размечтался, какъ поэтъ
«Женишься? Что-жь? Зачѣмъ-же нѣтъ?
И въ самомъ дѣлѣ? Я устрою
Себѣ смиренны уголокъ
И въ немъ Парашу успокою
Кровать, два стула, щи горшокъ
Да самъ большо Чего мнѣ болѣ?
Не будемъ прихотей мы знать,
По воскресеньямъ лѣтомъ въ полѣ
Съ Парашей буду я гулять,
Мѣстечко въпрошу, Парашѣ
Препоручу хозяйство наше
И воспитане ребятъ
И станемъ жить и такъ до гроба
Рука съ руки доидемъ мы оба
И внуки насъ похоронятъ >

Что служить онъ всего два года,
Онъ также думалъ, что погода
Не унималась, что рѣка
Все прибывала, что еда ли
Съ Невы мостовъ уже не сняли
И что съ Парашей будетъ онъ
Дня на два, на три разлученъ

При исключени мечтани Евгения въ посмертной редакци совѣмъ неумѣстнымъ оказался неисправленный ст 159

Такъ онъ мечталъ

Какъ разъ ничего такого, что можно было бы охарактеризовать, какъ мечтания, не осталось въ предшествующихъ, явившихся результатомъ исправления стихахъ посмертной редакци Ясное доказательство, что исправления, сдѣланныя на этотъ разъ Пушкинымъ, не были доведены до конца и не подлежали введеню въ окончательный текстъ

*) Отмѣтимъ, что Жуковский сдѣлалъ еще двѣ вставки въ писарскую копию — въ текстѣ предисловія послѣ слова «подробности» Жуковский вписалъ собственноручно «наводнения», а въ текстѣ 3-го примѣчания Жуковский сдѣлалъ сноску и собственноручно же сдѣлалъ примѣчание «въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотворени»

2 Существенныя и столь же неокончательныя измѣненія внесены и въ описаніи самого наводненія (179—199)

179 [Нева] И пуще, пуще свирѣѣла, Приподы малась и ревѣла	Погода пуще свирѣѣла Нева вздувалась и ревѣла
182 [Нева] И наконецъ остервенясь	И вдругъ, какъ звѣрь, остервенясь
185 Все опустѣло—волны вдругъ Вломились въ улицы, въ подвалы, Съ Невою слились ея каналы	Вдругъ опустѣло—воды вдругъ Втекли въ подземныя подвалы, Къ рѣшеткамъ хлынули каналы
190 Осада! приступь! Лѣзуть волны, Какъ звѣри, въ окна Съ ними челны	Осада! Приступь! Злая волны, Какъ воры, лѣзуть въ окна Челны
193 Мосты, снесенные грозой, Обломки хижинъ, бревны, кровли Товаръ запасивои торговли Пожитки бѣдныхъ рухлядь ихъ, Колеса дрожекъ городскихъ Гроба съ размытаго кладбища Плывуть по городу!	Садки подъ мокрой пеленой Обломки хижинъ, бревна, кровли, Товаръ запасивои торговли Пожитки бѣдной нищеты Грозой снесенные мосты Гроба съ размытаго кладбища Плывуть по улицамъ!

Исправленія въ этихъ стихахъ были сдѣланы Пушкинымъ, но Жуковский все же прошелся по этимъ исправленіямъ. Такъ ему принадлежить сп 193—Садки подъ мокрой пеленой. Надо отмѣтить, этотъ вариантъ Жуковского явился въ результатѣ невѣрнаго чтенія записаннаго тупъ же Пушкинымъ варианта этого зачеркнутаго въ копии сп 193—лодки подъ мокрой пеленой. Дѣйствительно въ садкахъ, покрытыхъ мокрой пеленой, нѣтъ смысла. Относительно исправленія, сдѣланнаго Пушкинымъ, должно замѣтить, что Пушкинъ, исправляя текстъ окончательной редакціи, возвращался къ вариантамъ, однажды взвѣшеннымъ и откинутымъ.

Такъ вариантъ сп 182 (И вдругъ, какъ звѣрь, остервенясь) былъ уже въ автографѣ бѣловой редакціи, сравненіе волнъ съ ворами (Какъ воры, волны) уже было сдѣлано въ томъ же автографѣ. Не лишено интереса подчеркнуть, что это сравненіе волнъ съ ворами связывалось съ инымъ началомъ стиха «И страхъ и смѣхъ! Какъ воры, волны». Въ исправленномъ текстѣ писарской копии осталось нѣкоторое несоответствіе «Осада! Приступь! Злая волны, какъ воры, и п. д.» Доказательство, что исправленіе не должно быть считасемо окончательнымъ.

3 Совершенно неудачно выправлены сп 370—373

Сп 370 Его стегали, потому

Что было все ему дорогои
И дворъ и улица, но онъ
Не примѣчалъ Онъ огушенъ
Былъ чудной, внутренней тревогой

Что онъ не разбиралъ дороги
Ужъ никогда, казалось—онъ
Не примѣчалъ Онъ огушенъ
Былъ шумомъ внутренней тревоги

Исправленія писарской копии значительно искажаютъ смыслъ, въ автографѣ «но онъ не примѣчалъ» связано съ «его стегали», а это послѣднее поясняется указаніемъ причинъ Стегали, потому что все казалось ему дорогои. При исправленіи вѣшель кривой смыслъ стегали, потому что не разбиралъ дороги «Казалось—онъ не примѣчалъ». Непонятно, чего онъ не примѣчалъ если не разбиралъ, то значить не примѣчалъ. И затѣмъ исправленіе внесло прозаизмъ въ текстъ повѣсти огушенъ шумомъ внутренней тревоги. Сразу оскудѣло содержаніе сп 373—374. Можно ли считать такое исправленіе совершеннымъ и окончательнымъ?

Наблюдения над исправлениями второй категории дополняют и укрепляют тот вывод, к которому привело нас изучение исправлений первой категории. Вынужденный произвести опыт исправления текста, признанного им окончательным, Пушкин начал править текст, переписанный писцом, в местах, указанных цензурой, попутно пробовал внести кое-какие изменения и в стихи, не привлекая внимания цензуры, но не довел до конца ни тех, ни других исправлений. Отмеченные нами особенности исправлений, сделанных Пушкиным, таковы, что не только не дают оснований к признанию их за окончательные, подлежащие внесению в текст, но наоборот исключают возможность защиты такого положения. Пушкин не довел до конца дела исправления: закончил и завершил его, как мы видели, Жуковский, проявивший при этом удивительно своеобразное отношение к творчеству Пушкина.

Для современного издателя «Мѣднаго Всадника» работа Жуковского не имеет никакой цены и должна быть опущена при воспроизведении текста — утверждение, не требующее доказательств. Но как же должен отнестись современный издатель к следам работы Пушкина в писарской копии?

Перед нами два источника текста «Мѣднаго Всадника» — та окончательная редакция которую находим в автографѣ поэта, и та посмертная редакция, которую дает писарская копия. О первой мы достоверно знаем, что именно ее Пушкин признал окончательной и желал видеть в печати, что эта именно редакция плод свободного творчества поэта. О второй редакции мы достоверно знаем, что своим возникновением она обязана акту цензурного насилия, что она не улучшала, а ухудшала текст, что эта редакция — исправленная и искаженная — не может быть признана законченной, не может быть сочтена последним словом исправления. Последнее слово исправления и искажения текста принадлежит Жуковскому, а Пушкин бросил работу на полдорогѣ. Нѣтъ двух ответов на вопрос: ежели бы в момент прекращения работы по оценурению «Мѣднаго Всадника» Пушкина спросили, какой текст «Мѣднаго Всадника» он хочет видеть в печати — тот, который находится в автографѣ, или тот, который дает исправленная писарская копия, то ответ мог бы быть только один, голос его был бы подан за текст автографа. Текст же посмертной редакции является как раз таким, какого Пушкин не хотел видеть опубликованным, какого Пушкин не пустил в печать.

Наблюдения над исправлениями в писарской копии и соображения, приведенные нами, дают определенный ответ на вопрос об источнике текста «Мѣднаго Всадника». Современный издатель должен руководиться при воспроизведении текста «Мѣднаго Всадника» исключительно окончательной редакцией в автографѣ поэта. Исправления писарской копии должны быть решительно отринуты, удалены с поля зрения современного издателя. О незаконченной работе поэта по вынужденному исправлению текста издатель может рассказать в примечаниях к тексту, но в текстѣ «Мѣднаго Всадника» ни одно из исправлений, сделанных в писарской копии, не должно иметь места. В собрание сочинений Пушкина «Мѣднѣй Всадникъ» должен быть внесен в том текстѣ, какой находится в автографѣ поэта, представленном в цензуру. Эту редакцию «Мѣднаго Всадника», наряду переписанную им, Пушкин передал на рассмотрение Бенкендорфа и царя; эту редакцию он предназначал для печати; этой редакции он не пожелал подвергать каким-либо изменениям.

Прошло 85 лет со времени создания «Мѣднаго Всадника», 81 год минул со дня смерти Пушкина, но до сего времени «Мѣднѣй Всадникъ» не появился в печати в той редакции, которую Пушкин желал видеть в печати, в том текстѣ, который Пушкин признал окончательным. Как ни странно это утверждение, как ни обидно,

ни оскорбительно для памяти поэта обстоятельство, указанное в этом утверждении, но действительно было обстоятельством именно так?

Жуковский закончил исправление «Мѣднаго Всадника» по писарской копии и открыл «Мѣднѣмъ Всадникомъ» первую вышедшую послѣ смерти Пушкина книгу «Современника» *) В послѣднемъ издании (Сочинения А. Пушкина, СПб., т. IX, 1841) была поправка в посылку даже съ опечаткой перепечатанъ текстъ «Современника» Слѣдующее издание сочинения Пушкина принадлежитъ Анненкову Съ него начинается респаврация текста «Мѣднаго Всадника» Анненковъ работалъ по рукописямъ и установилъ участие Жуковского въ исправлении текста, но онъ не обратилъ вниманія на соотношение рукописей «Мѣднаго Всадника» въ частности автографа окончательной редакціи и писарской копии, не оцѣнилъ, какъ должно, принудительнаго характера исправленій и счелъ исправление Пушкина — плодомъ окончательной работы его надъ своимъ произведеніемъ, которымъ онъ еще не былъ доволенъ, изготовивъ его, повидимому, вполне для печати **) Но и Анненковъ понималъ, что исправленія, сдѣланныя по требованіямъ цензуры, должны были быть устранены, но въ моментъ выхода анненковского издания цензурныя условия были таковы, что Анненкову пришлось печатать «Мѣднаго Всадника» съ поправками Жуковского Съ медленной постепенностью освобождали слѣдующіе издатели текстъ «Мѣднаго Всадника» отъ искаженій и исправленій Было бы скучнымъ и лишнимъ дѣломъ пересматривать историю текста «Мѣднаго Всадника» послѣ смерти Пушкина Мысль о необходимости освободить текстъ Пушкина отъ исправленій, вынужденныхъ цензурой, была усвоена издателями текста Не сразу, а постепенно отъ такихъ исправленій, условно отнесенныхъ къ первой категоріи, издатели, наконецъ, освободили текстъ «Мѣднаго Всадника», но исправленія, отнесенныя нами ко второй категоріи, были оставлены ими въ текстѣ Такое отношеніе къ тексту «Мѣднаго Всадника» находитъ себѣ объясненіе въ томъ обстоятельстве, что до сихъ поръ не было произведено работы, уясняющей соотношеніе дошедшихъ до насъ рукописей «Мѣднаго Всадника» и опредѣляющей ихъ удѣлы въ

*) Я долженъ предупредить одно возраженіе, которое могло бы быть предъявлено не былъ ли текстъ «Мѣднаго Всадника» данъ въ печать самимъ Пушкинымъ, не былъ ли онъ имъ даже пропущенъ? Выпускаемая послѣднюю за 1836 годъ 4-ую книгу «Современника» (вышла въ свѣтъ во второй половинѣ ноября, въ декабрѣ 1836 года, цензурное разрѣшеніе подписано 11 ноября 1836 года), Пушкинъ помѣстилъ въ ней объявленіе о приемѣ подписки на «Современникъ» въ 1837 году и о томъ, что каждае три мѣсяца будутъ выходить по одному тому Обращаясь къ графу Бенкендорфу за разрѣшеніемъ напечатать объявленіе о продолженіи изданія «Современника» въ 1837 году, Жуковский указывалъ, что подписка началась уже въ 1836 году, а въ текстѣ объявленія было сказано, что въ текстѣ «Современника» помѣстятся «все неизвѣстныя публичныя сочиненія Пушкина, и тѣ, кои уже назначены имъ самимъ для сего журнала, и тѣ, кои находятся въ оставшихся послѣ него бумагахъ» На обложкѣ пятой (1-ой на 1837 годъ) имѣется цензурное разрѣшеніе, датированное 11 ноября 1836 года — т е тѣмъ самымъ днемъ, которымъ датировано цензурное разрѣшеніе на выпускъ 4-ой книги Пятая книга начинается извѣстной статьей Жуковского «Послѣднія минуты Пушкина» Эта статья напечатана съ особой пагинаціей (I—XVIII) и, видимо, вошла въ составъ уже послѣ опечатанія первыхъ листовъ, имѣющихъ обычную пагинацію Открывается книга «Мѣднѣмъ Всадникомъ», занимающимъ здѣсь страницы 1—21 Все приведенныя данныя дѣлаютъ возможными слѣдующія предположенія Закончивъ 1836 годъ, Пушкинъ сталъ готовить первую книжку на 1837 годъ Пушкинъ назначилъ для этой книги свои произведенія, сдѣлавъ въ наборъ, былъ можетъ, уже пропустилъ первый листъ

Возможность такихъ предположеній устраняется слѣдующими соображеніями О работѣ Пушкина надъ первой книгой «Современника» нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ Цензурная дата является результатомъ явнаго недосмотра, если для продолженія изданія понадобилось испрошать спеціальныя разрѣшенія Бенкендорфа и Николая Павловича, то только плодомъ недоразумѣнія можно объяснить появленіе разрѣшительной надписи отъ 11 ноября 1836 года Дѣйствительно, какой-какой матеріалъ, пропущенный цензурой при жизни Пушкина, могъ оказаться и въ 5-ой книгѣ, но это просто остатокъ 1836 года, а не спеціально сданный для первой книги матеріалъ Главное же соображеніе, основное — все то же «Мѣднѣмъ Всадникъ» появился въ «Современникѣ» въ недопустимомъ для Пушкина видѣ

**) Сочинения Пушкина Изд. П. В. Анненкова, т. III СПб. 1855, стр. 549—552

при издании текста Всѣ рѣшительно изданы (послѣдныя изданы Ефремова, Морозова, Венгерова) сохраняютъ исправления второи категории Издателя не оспановило ни замѣченное ими участие Жуковского въ исправленияхъ текста, ни бросающееся въ глаза искажение текста, производимое исправлениями, ни обстоятельство возникновения мысли объ исправленияхъ, ни незаконченныи характеръ работы Пушкина надъ писарской копией {Зрѣлище грустное и досадное! Сильно огорчился бы Пушкинъ, если бы онъ увидѣлъ тотъ текстъ «Мѣднаго Всадника», которыи печатается во всѣхъ собранияхъ его сочинении {Такой окончательныи текстъ не появлялся изъ подъ его пера!

Въ настоящемъ издании текстъ «Мѣднаго Всадника» данъ въ окончательной редакци по рукописи Пушкина (тетрадь Румянцовскаго Музея, № 2376) При воспроизведенни допущены слѣдующия отступленія Изъ отличии пушкинской орфографии сохранены лишь пѢ, которыя въ той или иной мѣрѣ могутъ указывать на особенность произношенія (напр., убогова, несчастной и п п), поэтому въ нашемъ текстѣ не нашли мѣста такія пушкинскія написанія, какъ вѣтхьи, приютъ, лучь, калпакъ и п п Приводимъ списокъ всѣхъ отступленни отъ орфографии Пушкина съ обозначениемъ стиховъ 8 — приютъ, 24 — вознесся, 29 — вѣтхьи, 32 — дворцевъ, 33 — концевъ, 72 — ласкутѣя, 74 — на сквозь, 93 — повѣтствованіе, 95 — разказъ, 97 — омраченномъ, 110 — приятно, 112 — ненужно, 126 — немогъ, 222 — возвышенномъ, 245 — вѣтхьи, 251 — кабудто, 328 — лучь, 329 — тучь, 338 — приютъ, 343 — вымѣстишь, 366 — вѣтхая, 429 — къ рѣшетки, 454 — занимъ, 458 — въ его лице, 462 — калпакъ, 465 — видѣнь, 474 — домишка вѣтхьи

Знаки препинанія сохранены пушкинскіе за исключениемъ тѣхъ мѣстъ, которыя не были бы вразумительныи современному читателю, если бы печатались съ пушкинской пунктуациею Слишкомъ непохоже на современное обращеніе Пушкина съ запятой такъ онъ не ставилъ ея тамъ, гдѣ ставимъ мы «сиянѣ шапокъ эпихъ мѣднѣхъ насквозь прострѣленнѣхъ въ бою», или «мосты снесенныя грозой», или «Нева къ морямъ его несетъ и чуя вешни дни ликуетъ» Но въ обращенни Пушкина съ запятыи нѣтъ той выразительности, которая характеризуетъ его использование другихъ знаковъ препинанія, многоточія, знака вопроса и восклицанія Всѣ эти выразительныя особенности пунктуации сохранены въ нашемъ текстѣ

Наборъ повѣсти и приложени сдѣланъ въ 1917 году

Справка объ иллюстраціяхъ къ „Мѣдному Всаднику“.

Мысль объ иллюстрированіи «Мѣднаго Всадника» явилась у Александра Бенуа въ 1903 г., когда къ нему обратился Кружокъ Любителей Русскихъ Изящныхъ Изданій съ предложеніемъ что-либо иллюстрировать изъ произведеній русскихъ авторовъ. Этими иллюстраціями художникъ былъ занятъ въ Римѣ и Петербургѣ, весною и лѣтомъ 1903 г. Но вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ между издателями и авторомъ, это изданіе было отложено, а иллюстраціи были приобретены С. П. Дягилевымъ для журнала «Міръ Искусства», въ которомъ онѣ и появились въ № 1 за 1904 г. Въ дальнѣйшемъ Дягилевъ предполагалъ ихъ издать отдѣльной книгой, но это предположеніе не осуществилось и вскорѣ послѣ этого право на изданіе было куплено издательствомъ «М. О. Вольфъ». Вторично художникъ вернулся къ этой темѣ по заказу Комиссіи народныхъ изданій при Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ — эта серія, состоящая изъ 6-ти большихъ листовъ, была исполнена въ Версальѣ, весной 1905 г., но не была напечатана.

Настоящія иллюстраціи (3-я, редакція иллюстрацій «Мѣднаго Всадника») нарисованы художникомъ лѣтомъ 1916 г. в Крыму, по заказу Комиссіи Художественныхъ Изданій при Общинѣ Св. Евгеніи Краснаго Креста. Часть ихъ повторяетъ композиціи 1-ой и 2-ой редакціи, нѣкоторые же рисунки сочинены вновь.

Оригиналы иллюстрацій настоящаго изданія находятся въ Русскомъ Музеѣ, за исключеніемъ фронтисписа, принадлежащаго собранію П. М. Степанова и концовки I части, принадлежащей С. Р. Эрнстъ.

1917 Мартъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Мѣднѣй Всадникъ. Петербургская повѣсть:		
		Стран.
Предисловіе	11	
Вступленіе	13	
Часть первая	21	
Часть вторая	35	
Заключеніе	53	
Примѣчанія	57	
Текстъ «Мѣднаго Всадника» — статья П. Е. Щеголева.	61	
Справка объ иллюстраціяхъ къ «Мѣдному Всаднику» . .	75	
